

— Список твоих любовных побед... — начал Бай Ичэнь, не переставая посмеиваться. — Брат Чжэн рассказывал, что, когда ты только появился в «Пылающем искушении», за тобой волочились все окрестные девицы, молодушки, красавчики и даже суровые мужики в годах. Все ломились в бар только ради тебя. Ты пил с ними, и босс был просто в восторге: выручка в те дни зашкаливала. Жаль только, что потом ты перестал им «улыбаться». Но он обрадовался еще больше, ведь оказалось, что твоя холодность приносит даже больше денег, чем заигрывания!

Ань Но слушал его с каменным лицом, вспоминая то время. Тогда ему нужно было во что бы то ни стало закрепиться в баре и привлечь внимание Хань Цзыфэя, так что в ход шли любые средства. Это были не самые славные страницы его биографии, и Ань Но меньше всего хотел, чтобы Бай Ичэнь о них знал. Сейчас он чувствовал себя нерадивым учеником, которого учитель поймал со шпаргалкой: хотелось отпираться до последнего, но против улик не попрешь. Он мельком взглянул на парня — тот всё еще сидел с сияющими глазами, явно довольный собой.

— И что тут такого смешного? — искренне недоумевал Ань Но.

— Всё! — Бай Ичэнь энергично закивал.

— Например?

— Во-первых, — Сяо Бай принялся с упоением изображать манерно-сплетнический тон Сяо И, — Старший брат Сяо сказал А-ци, что, несмотря на всю эту толпу поклонников, ты ни с кем так и не замутил. — Парень так развеселился от собственной пародии, что звонко расхохотался. — А во-вторых... — он бросил на собеседника быстрый, испытующий взгляд. — Во-вторых, Старший брат Ань, выходит, тебе и мужчины могут нравиться?

В голове Ань Но еще минуту назад завывала сирена тревоги. Он смутно чувствовал, что сегодняшний Бай Ичэнь ведет себя необычно. Всё началось с той фразы: «Ты совсем другой, я могу довериться только тебе», от которой у него сердце предательски екнуло. С того момента весь разговор покатился куда-то не туда.

Ань Но мгновенно уловил истинный смысл вопроса, но до последнего не хотел верить в свою догадку. Больше всего он боялся, что не ошибся, и Сяо Бай действительно клонит к «этому». Значит, он всё-таки «испортил» мальчишку, сбил с пути истинного. До него вдруг дошло: привязанность Бай Ичэня объяснялась просто — парень с детства был лишен душевного тепла, и стоило Ань Но проявить заботу, как тот бросился в эти чувства с головой. Но если бы перед ним открылся мир пошире, если бы кто-то подарил ему светлую, нормальную любовь, он был бы куда счастливее. Он бы понял, что любовь — это совсем не то же самое, что родственная близость или дружба.

— Работа в баре обязывает, — нарочито грубовато бросил Ань Но, — приходится учиться водить

людей за нос и играть на публику. Девчонок я перетискал немало, это правда. А вот мужчины... нет, уволь. Не по моей части.

Сияющая улыбка на лице Бай Ичэня медленно погасла. Он никак не мог разгадать этого человека. Иногда казалось, что он всё понял и прочувствовал, но в мгновение ока всё менялось. Ань Но был как хамелеон: то загадочный и многогранный, то внезапно — тот самый ленивый и развязный тип с повадками бандита. Он мастерски менял маски.

Бай Ичэнь давно любил его, но считал это чувство братской привязанностью. Даже когда он мучился из-за мысли о возможной девушке Ань Но, это казалось ему вполне объяснимым собственничеством. Но после слов Хань Цзыфэя его словно током ударило: он осознал, что его чувства зашли гораздо дальше.

Да, у него не было опыта в любви, но в восемнадцать лет парень уже не ребенок. Он понимал, почему так ловит каждое его слово, почему ему так жизненно необходимо быть рядом. Если поначалу это была жажда тепла и защиты, то события позапрошлой ночи заставили его соприкоснуться с самым сокровенным: когда ему грозила гибель, в голове был только старший брат. Когда опасность миновала, он хотел лишь одного — уткнуться в его грудь и выплакаться. Мысли о том, что у него появится кто-то другой, отзывались внутри горькой тревогой. А слова Хань Цзыфэя стали последней каплей. Он понял: ему нужен не просто надежный старший брат, а тот, кто подарит ему счастье быть любимым. И этого человека он не хотел делить ни с кем на свете!

«Любовь эгоистична», — слова врага эхом отдавались в ушах.

Бай Ичэнь очень надеялся, что Ань Но тоже симпатизирует мужчинам. Он думал: если Ань-гэ в принципе это принимает, то со временем он сможет добиться взаимности. Сплетни, услышанные от Сяо И и А-ци, вдохновили его, но теперь Ань Но четко и ясно отрезал: «Не по моей части». Все мечты в один миг превратились в нелепую шутку.

Под предлогом того, что нужно найти врача, Ань Но почти сбежал из палаты. Бай Ичэнь смотрел ему вслед, и он горько сжал губы.

В ординаторской Ань Но застал Чжоу Сюя как раз в тот момент, когда тот закончил зашивать пациента с ножевым ранением. Врач стянул маску, и его пронизательные глаза уставились на Ань Но.

— После семидесяти двух часов наблюдения можно будет ехать домой. Главное — не мочить швы, иначе пойдет инфекция и поднимется температура. На спине много мышц, раны там заживают неохотно, так что следите, чтобы он поменьше дергался. Лучше всего соблюдать постельный режим и лежать на животе. Нитки саморассасывающиеся, снимать не нужно.

— Спасибо, доктор, — Ань Но, получив ответы, коротко кивнул и собрался уходить.

— Погодите, — окликнул его Чжоу Сюй. — Помните, я говорил, что парень сильно напуган?

— Конечно. Нужно вести его к психологу? — Ань Но замер. При одном воспоминании о том, в каком состоянии был Сяо Бай той ночью, он чувствовал, как сердце обливается кровью.

— Посмотрим по обстоятельствам, я в этом не спец. Но вот что... Вас ведь Ань Но зовут? Вчера, когда я зашивал ему рану, он ненадолго приходил в себя. Бредил и всё время сквозь слезы звал какого-то Ань Но... — Чжоу Сюй прищурился, и Ань Но готов был поклясться, что тот усмехается под маской. — Похоже, он очень к вам привязан. Вы для него — олицетворение безопасности.

Эти простые слова отозвались в душе Ань Но целым вихрем противоречивых чувств.

— Что вы хотите этим сказать?..

— Ничего особенного. Но раз он звал вас даже в беспмятстве, значит, ваше место в его сердце — особенное.

Ань Но лишь криво усмехнулся:

— Хорошо. И что мне делать?

— Просто будьте рядом. Помогите ему переварить то, что случилось той ночью. Он не должен бежать от этих воспоминаний. Нужно их принять, иначе это станет миной замедленного действия.

— Вы знаете, что именно произошло? — Ань Но почувствовал, что врач о чем-то догадывается.

— Я хирург скорой помощи и навидался всякого. Его синяки... обычно такие следы остаются на девушках.

— Сами знаете, какое сейчас время... мир сошел с ума, — Ань Но изобразил на лице горькое сожаление.

— Да уж, в ресторанном бизнесе несладко... — Чжоу Сюй очень хотел спросить, кем приходится парню те двое без формы, что были здесь вчера, но, не найдя веского предлога, лишь еще раз напомнил правила ухода и отпустил посетителя.

Когда Ань Но вернулся в палату, Бай Ичэнь уныло лежал на кровати.

— Что с тобой? Только что ведь был такой бодрый, — с улыбкой спросил он.

— Наелся и в сон клонит, — вяло отозвался парень.

Ань Но почувствовал его обиду.

— Тогда вот тебе бодрящая новость: я поговорил с врачом, послезавтра тебя выписывают. Твою комнату я уже привел в порядок, так что сразу сможешь переезжать.

— Здорово, — Бай Ичэнь честно попытался изобразить радость.

Глядя на его понурый вид, Ань Но ощутил укол совести. Он подошел ближе и с силой взъерошил волосы парня.

— Давай, малец, выше нос! Всего два дня осталось!

Бай Ичэнь качнул головой под тяжелой ладонью. Он что-то пробормотал в подушку, но Ань Но не расслышал, да и, честно говоря, не хотел слышать.

Эту ночь Ань Но решил провести в палате. Они негромко переговаривались, и каждый пытался вытянуть из другого хоть какую-то крупицу правды. Но оба были себе на уме, так что в их словах истина густо перемешивалась с вымыслом, что, впрочем, не мешало им вполне мирно беседовать. Перед самым сном Бай Ичэнь вдруг спросил:

— Старший брат Ань, а ты когда жениться собираешься?

— Не знаю. Тут уж как судьба распорядится.

Честно говоря, Ань Но не верил в судьбу. Для него это было красивое словцо из сентиментальных романов, удобная отговорка на все случаи жизни. Чаще всего люди прикрываются «судьбой», чтобы оправдать расставание, придав корыстным или банальным причинам налет благородной грусти. Но сейчас он просто не нашел слова лучше.

Среди ночи в палату привезли нового пациента. Стоило включить мониторы, как тишину нарушило мерное «каканье» и писк приборов. Индикаторы то и дело вспыхивали, рассыпая по комнате блики. Бай Ичэнь проснулся от шума и повернул голову к Ань Но, который сидел у его кровати. Тот выпрямился и, заметив его заспанный вид, спросил:

— Воды принести?

Бай Ичэнь покачал головой:

— Лампочки слишком яркие, слепят.

Ань Но поднялся, задернул шторку между кроватями, а затем, помедлив, осторожно накрыл глаза парня своей ладонью.

— Я прикрою, а ты спи.

Бай Ичэнь затрепетал ресницами под его рукой. Длинные волоски защекотали ладонь, и у Ань Но всё внутри сжалось от нежности.

— Засыпай...

Бай Ичэнь знал, что, пока он не уснет, эта теплая и сухая рука, дарующая ему почти чудодейственное чувство безопасности, никуда не исчезнет.

— Старший брат Ань... — пробормотал он, уже проваливаясь в сон.

— Что? — Ань Но наклонился пониже.

— Ты очень хороший, — выдохнул Сяо Бай и задышал ровно и глубоко.

Снова этот ярлык «хорошего парня»! Ань Но усмехнулся про себя: из этих «карточек» уже можно было собрать целую колоду. Он в шутку легонько щелкнул пальцами по лбу спящего.

— Я... — Бай Ичэнь снова что-то пролепетал, но писк мониторов заглушил его голос.

— Что ты сказал?

...

Бай Ичэнь спал. Ань Но медленно убрал руку и, глядя на это беззащитное лицо, подумал: «Что же ты хотел сказать? Могу ли я позволить себе хоть крохотную, несбыточную надежду?»